

Глава 12 Упрямство

— Чжао-гэр? — Фан Цзычэнь ускорил шаг, и когда он увидел покрасневшие, опухшие глаза юноши, его голос мгновенно стал суровым. — Ты что здесь делаешь? И почему плачешь? Тебя кто-то обидел?

Ноги Чжао-гэра совсем затекли от долгого сидения на корточках, и когда он попытался встать, то пошатнулся. Цзычэнь хотел поддержать его, но гэр сам внезапно схватил его за руку. Он крепко сжал ладонь мужчины, опустив голову и не проронив ни слова.

Цзычэнь посмотрел на него, моргнул и, наконец, догадался:

— Ты что, решил, будто я сбежал и оставил тебя вдовствовать? Оттого и разрыдался?

— Я... — Чжао-гэр не нашёл, что ответить.

Но именно так всё и было.

Весь остаток дня — точнее, с того самого момента, как они расстались в городе, — он пребывал в мучительном ожидании. Он ждал и ждал, пока не ступились сумерки, но Цзычэнь всё не возвращался. Оставив сына у Чжоу-гэра, он в одиночестве пришёл к окраине деревни.

Он не знал, дождётся ли, но Фан Цзычэнь обещал вернуться, и он поверил. Однако вера не избавляла сердце от тревоги. Особенно после того кошмара, что приснился ему прошлой ночью, — на душе было беспокойно.

Видя его нерешительность, Цзычэнь всё понял. Он лишь усмехнулся, хотя в груди шевельнулось странное, необъяснимое чувство.

— Я же сказал, что вернусь, значит, так и будет, — мягко произнёс он. — Вы с Гуай-цзаем здесь, куда мне идти? Даже если я соберусь уйти, то заберу вас с собой.

Судьба уже связала их воедино, в какой бы форме это ни выразалось. С того момента, как Чжао-гэр опустился перед ним на колени, а мужчина пообещал взять его в мужья, они стали неразделимым целым.

Рука гэра дрогнула, он резко повернул голову, жадно ища подтверждения в его глазах:

— Правда?

В его голосе всё ещё слышалась гнусавость после долгого плача, а во взгляде читалась ничем

не скрытая надежда. Встретившись с этим взглядом, Цзычэнь не смог больше шутить.

Он лишь коротко кивнул:

— Угу.

Чжао-гэр шмыгнул носом и, не в силах сдержаться, улыбнулся.

Несмотря на то что ему было девятнадцать и он уже воспитывал ребёнка, черты его лица сохраняли юношескую невинность. Он ещё не научился скрывать свои чувства, будь они хорошими или плохими. Все его эмоции были на виду, а помыслы чисты и прозрачны, словно на ладони.

Фан Цзычэнь невольно поднял руку и вытер слёзы с его лица:

— В следующий раз не вздумай плакать в таком месте. Темнота кругом — за привидение примут, ей-богу.

Чжао-гэр не нашёлся с ответом.

«...»

Вся печаль мигом улетучилась, сменившись лёгким раздражением.

— Я купил тебе маньтоу, — перевёл тему Цзычэнь.

Чжао-гэр изумлённо вскинул брови:

— Ты нашёл работу?

— Да! — Фан Цзычэнь отвязал от пояса кошель и протянул ему. — Смотри. Заработал за полдня. Ну, каков я?

Юноша почувствовал приятную тяжесть в ладони. Поглаживая пальцами грубые швы на ткани, он на мгновение задумался. Этот кошель он сшил сам из обрезков, которые старшая госпожа Ма выбросила после того, как справила себе наряды к Новому году. Лоскутки были разных цветов — где синий, где лиловый, — и выглядело это не слишком изящно. Он носил его при себе много лет, но внутри никогда не было столько монет. Обычно, стоило там завестись паре медяков, как они тут же тратились на нужды, не успев даже согреться.

Раньше он думал, что медяки в кошельке дают ему чувство уверенности, но теперь всё

ощущалось иначе.

Чжао-гэр протянул кошелек обратно:

— Забери себе!

Цзычэнь подумал и отсчитал десять монет, вложив их в ладонь гэра:

— Это отложи на хранение. Остальное побудет у меня. Завтра пойду на работу и заодно куплю что-нибудь в дом. Сегодня уже слишком поздно, не успел.

— Завтра ты снова пойдёшь?

— Угу. Управляющий сказал, что им ещё несколько дней будут нужны люди.

— Тогда... можно я пойду с тобой?

— Нет, — Цзычэнь сунул ему в руки булочку. — Ешь давай, пока не остыла.

Чжао-гэр поджал губы и принялся маленькими кусочками откусывать пышное тесто. Маньтоу было мягким, и при долгом жевании на языке оставался едва уловимый сладковатый привкус.

— Вкусно, — тихо сказал он.

Съев одну булочку, Чжао-гэр наотрез отказался от второй. Он заставил Цзычэня забрать её с собой, а сам отправился к Чжоу-гэру за ребёнком.

Вернувшись домой и увидев Фан Цзычэня, Гуай-цзай стал буквально его тенью. Трудно сказать, нашептал ли ему что-то папа или же мальчик сам обладал столь тонким чутьём, но он явно уловил дневное смятение Чжао-гэра. Малыш во все глаза следил за отцом, следуя за ним по пятам, куда бы тот ни шёл.

У Цзычэня был всего один комплект одежды, который не стыдно было надеть в люди. Поэтому он ополоснулся во дворе, натянул свою старую футболку, а Чжао-гэр тем временем выстирал его рабочие вещи. Если их хорошенько отжать и повесить на ночь, к утру они как раз высохнут.

Фан Цзычэнь сидел под навесом у крыльца и с улыбкой наблюдал за сыном, который стоял рядом, прижимая к себе маньтоу размером больше его собственного личика.

— Что это ты сегодня за мной хвостом ходишь? — поддразнил его мужчина. — Не боишься, что я тебя ветром сдую?

Гуай-цзай крепче сжал булочку:

— Смотрю за отцом.

Слова прозвучали невпопад, но Цзычэнь прекрасно всё понял. Он был ещё слишком молод, чтобы умиляться каждому встречному ребёнку, но к этому малышу он испытывал необъяснимую симпатию. Возможно, виной тому была его чрезмерная рассудительность и горькая судьба.

Он притянул Гуай-цзая к себе и усадил между колен:

— Отец никуда не уйдёт, не бойся. Давай, ешь скорее. Булочка вкусная?

— Вкусная, — ответил мальчик.

— Вот и ешь, — Цзычэнь легонько ущипнуло его за щёку. — Бедняжка, ты же тоньше поросёнка у старосты. Вот заработаю денег и откормлю тебя, чтобы щёки из-за спины видать было. Договорились?

— Да! — Гуай-цзай заметно повеселел. Он откусил маленький кусочек, и его глаза тут же радостно блеснули. Он потянулся и ткнул маньтоу в губы Фан Цзычэня: — Очень вкусно. Отец тоже ешь.

На душе у Фана стало на редкость тепло.

«Растёт почтительный сын, — подумал он. — Не зря, ох не зря я его содержу»

— Ешь сам, я уже сыт. Это тебе.

— Спасибо, отец.

Желудок у мальчика был крохотный, и даже будучи голодным, он смог осилить лишь половину булочки. Остальное Чжао-гэр убрал на утро.

После трудового дня Цзычэнь едва коснулся подушки, как провалился в глубокий сон. Чжао-гэр тихонько позвал его пару раз, и убедившись, что тот не проснётся, переложил сына к стене, а сам лёг с краю. Страх, видимо, ещё не полностью покинул его сердце: он прижал к себе краешек рубахи мужчины и долго смотрел на него, прежде чем окончательно закрыть глаза.

***

На следующий день Фан Цзычэнь проснулся ещё до рассвета. Чжао-гэр протянул ему разогретое маньтоу, но тот покачал головой — мол, не хочу, куплю в городе. Выходя из дома, Цзычэнь заметил, что за плечами у гэра висит плетёная корзина, которую тот вчера специально одолжил у Чжоу-гэра.

Он решил было, что юноша просто хочет проводить его часть пути, а по дороге набрать хвороста, но когда они миновали окраину деревни, тот всё ещё шёл следом.

— Ты чего за мной увязался? — недоуменно спросил Цзычэнь.

Чжао-гэр крепче сжал лямки корзины и пробормотал едва слышно:

— Я хочу пойти с тобой. Таскать тюки.

Цзычэнь хмыкнул:

— Ты? Серьёзно?

— Я сильный, я много чего умею делать, — настаивал гэр.

Мужчина развёл руками, показывая размер:

— Мешки там вот такие. В каждом — добрых сто цзиней. Ты уверен, что вообще с места его сдвинешь?

— Смогу, — упрямо ответил Чжао-гэр. — Как узнать, если не попробовать?

Видя это немое упрямство в глазах юноши, Цзычэнь на мгновение замолчал.

Он вспомнил свою прошлую жизнь. Он перескочил через классы и в тринадцать лет уже учился во втором классе старшей школы. Успеваемость у него была отличная, и учителя постоянно ставили его в пример. На классных часах учитель и вовсе любил попенять трём дяомао с задних парт, мол, «посмотрите на него и учитесь». Естественно, те за это его недолюбливали и постоянно подначивали, называя коротышкой.

В ту пору он и впрямь был невысоким по сравнению с пятнадцати-шестнадцатилетними одноклассниками. Сначала он пропускал насмешки мимо ушей, но придурки наглели всё больше, и в конце концов стали в открытую называть его «потомком семи гномов». И хотя имён не называли, по их взглядам всё было ясно.

Цзычэнь тогда тоже не сдержался и бросил в ответ: «Сила есть — ума не надо». На что один из

них парировал: «Куда уж нам до тебя, мелочь пузатая — концентрат гениальности».

Позже на физкультуре один из тех дяомао, постукивая мячом, спросил его: «Слушай, а ты с таким ростом через десять лет хотя бы до кольца допрыгнешь? Слэм-данк сможешь сделать? Да ты мяч-то вообще поднимешь, задохлик?»

Цзычэня тогда просто разорвало от ярости. Он помчался в каморку за мячом и с гордо поднятой головой вышел на площадку.

Практика — единственный критерий истины. И это правда. В тот день над ним знатно посмеялись, и он потом полмесяца ходил мрачнее тучи, даже любимые куриные ножки в столовой не радовали. И хотя позже его старшие братья вдвоём отметили тех задир и заставили извиниться, тот случай врезался в память навсегда.

Он понимал: если кто-то упрямится, убеждения не помогут. Нужно дать человеку попробовать, чтобы он сам осознал свои границы. Только тогда он успокоится.

— Ладно, — сдался он. Чжао-гэр облегчённо выдохнул и улыбнулся. Цзычэнь сделал пару шагов и вдруг замер: — Погоди. Если ты идёшь со мной, то как же Гуай-цзай?

Когда они уходили, малыш ещё спал. Чжао-гэр кивнул на корзину:

— Он здесь.

Цзычэнь: «...»

Гуай-цзай свернулся в корзине клубочком. Маленький, словно щенок, он даже не проснулся от тряски.

— Бедный мой сын, — искренне посочувствовал Цзычэнь. — Какая суровая доля.

***

Когда они добрались до города, солнце уже взошло. Фан Цзычэнь пришёл как раз вовремя — работа только начиналась. Он подвёл Чжао-гэра к управляющему на пристани и переговорил с ним. Тот не стал возражать: мол, если может работать — пусть работает.

Цзычэнь сунул Гуай-цзаю половину булочки и велел сидеть в сторонке, прислонившись к корзине, а затем повёл гэра к месту погрузки.

Пока Чжао-гэр жил в семье Ма, ему приходилось выполнять самую разную работу. Подготовка,

стирка, колка дров или кормёжка свиней считались отдыхом. Он таскал тяжеленные вязанки хвороста, корзины с травой для скота... Тогда ему тоже было несладко, но выбора не было. Он был как мул на мельнице: за спиной всегда стоял кто-то с плетью, и стоило ему замедлиться, как следовал удар.

Но разгрузка судна — это совсем другое. Это была по-настоящему сокрушительная тяжесть. Сто цзиней веса на плечах казались непосильным бременем, способным раздавить человека.

Цзычэнь видел, как гэр сделал несколько ходок, и дыхание его стало прерывистым и тяжёлым. Когда юноша снова потянулся к мешку, мужчина перехватил его руки.

— Хватит. Посмотри на себя — в чём только душа держится.

Чжао-гэр, тяжело дыша, возразил:

— Но ты же такой же, как я.

С виду они и впрямь были похожи: типичные молодые люди в период активного роста — худощавые и тонкокостные.

— Да где же «такой же»? — фыркнул Цзычэнь. — Я хоть и выгляжу поджарым, но у меня под кожей — чистые мускулы. Знаешь, как меня раньше называли?

— Нет.

— Кто звал «Красавчиком», кто «Третьим братом», а кто и вовсе «Братом-Силачом», — прихвастнул Фан Цзычэнь.

Чжао-гэр не понял значений этих слов:

— Красавчиком?

— Ну, значит — лицом вышел, — самодовольно пояснил Цзычэнь. — У нас тех, кто хорош собой, зовут красавчиками, а всяких уродов обычно величают «дяомао».

— А «Третий брат»?

— Так я в семье третий по старшинству.

— А почему «Силач»? — допытывался гэр.

— Да что тут спрашивать — за силу! Я в школе парты таскал по две штуки в каждой руке, с первого этажа на шестой, и даже не запыхался. Все ребята говорили — ну и мощь у тебя, Цзычэнь!

Юноша мало что понял из этого рассказа, но, судя по тому, как мужчина важничал, доля правды там всё же была.

— В общем, сиди здесь и жди, пока я закончу. Вместе домой пойдём.

— Я тоже...

— Сказал — сиди! — Цзычэнь легонько подтолкнул его в сторону. — Хоть мы и бедны, но я не настолько обнищал, чтобы твои несчастные десять монет выжимать.

— Но...

Цзычэнь нахмурился и в шутку погрозил кулаком:

— Ты меня слушаться будешь или нет? Сказано же в народе: «Вышел замуж — следуй за мужем». Почему ты такой непонятливый? Мне что, тебя поколотить для остратки?

Чжао-гэр, видимо, вспомнил о чём-то своём, потому что его лицо внезапно залило густой краской. Он не посмел больше спорить и послушно направился к корзине, где сидел сын.

<http://bllate.org/book/15357/1416872>